

ИНЫЕ ЖАНРЫ...

Баадур ЧХАТАРАШВИЛИ

СКАЗКА, Ё

1. АБДУКТАНТ

«Урал» – это вам не хухры-мухры. Двести с лишком лошадей под капотом.

Лёха-маленький тормознул лесовоз у избы, спрыгнул с подножки, помахал затёкшими руками.

– Уё.ще... – Лёха пнул носком сапога по скату. – Отдыхай.

В доме Тимофей зашёлся мявом.

– Олигарх, – заругался Лёха, – мышей ловить надо.

Скинув щеколду, прошёл внутрь. Задрав хвост, Тимофей восьмёрками закружил по ногам хозяина. Лёха нашарил в кармане бушлата пакет с кормом, спотыкаясь об кота, двинулся на кухонную половину.

Тимофей сунул нос в «Вискас», лизнул. Разгибаясь от кошачей посуды, Лёха увидел: кот отпрянул от таблеток, вздыбил шерсть, выпучил глаза и зашипел. Лёха оглянулся. У двери стояли трое. У переднего в обхват лилового лба переливался огнями серебристый обруч.

– Ё, – сказал Лёха, – ведь не пил...

Тимофей, больно царапаясь, полез по ноге. В голове пошли буквы строчкой: «НЕ ОКАЗЫВАЙ СОПРОТИВЛЕНИЕ...».

– У-у, суки нерусские... – Лёха нашарил табурет и, замахнувшись, шагнул к гостям.

Главный, который с обручем, выпустил из чёрных, в пол-лица, глаз радугу. Руки у Лёхи пошли мурашками, ноги подкосились:

– Всё, – понял Лёха, – повязали.

Лёха открыл один глаз: над головой белел низкий потолок. Открыл второй – лежал он голышом, пристегнутый к железной койке. Напротив, во всю стену, мигали лампочки, посередке, в экране, слева направо двигался заболоченный подлесок.

– Вороново, – узнал Лёха.

Перед экраном сидел лиловый. Рядом, на каталке, распластался Тимофей:

– На запчасти потрошить будут, волки позорные.

Лёха глянул вниз, под ним кучкой лежала одежда:

– Дотянись.

Исхитрился зацепить бушлат, нашарил в потайном кармане чекушку, содрал зубами колпачок, выглотал и швырнул пустую посуду в урода. Лиловый, ухватившись за голову трёхпальными ладошками, убежал в стену. Лёха принялся за ремень, нащупал пупочку, нажал, дёрнулся:

– Всё, щас я вам устрою, – поискал инструмент. По стенке слева змеились блестящие трубы. Лёха ухватился, матернулся и выдрал увесистый фрагмент.

Через стену вошли трое, впереди главный, с обручем. Лёха метнулся к экрану, врезал трубой по стеклу. Зашипело, пошёл дымок.

– НЕ ДЕЛАЙ НАНЕСЁШЬ НЕИСПРАВНОСТЬ...

– Я те нанесу, в Христа-бога и евонную мать... освобождай кота!

Главный выпустил из глаз радугу.

– Счас стреножат. – Лёха напружинил ляжки.

Главный снова пустил лучи. Лёха прислушался к организму: ничего, чуток покалывало в висках да от выпитой водки пошла приятная истома.

– А-а, бляди, не идёт ваша химия против родимой. Отпускай кота, монстр грёбанный...

Отстёгнутый Тимофей, раскровянив главному лысину, взлетел Лёхе на плечо. Лёха несильно врезал по стеклу:

– Сожай корыто, разнесу всё. Сожай, откуда забрали, Франкиштейн хренов!

– МЫ ВЫПОЛНИМ ТВОЁ ЖЕЛАНИЕ...

Блюдце, мелькая огоньками, скользнуло по верхушкам сосен.

– Ну, Тимофей, и не расскажешь – засмеют. – Лёха отворил дверцу «Урала», нашарил под сидением заначку, – пошли ужинать.

2. МОРОЗ

Октябрьский морозец одел лес в серебро. Столетние ели расправили мохнатые лапы, болото притихло: лягушата завалились спать, комарё сгнуло.

С озера поднялись гуси, построились клином. Галки шумной гурьбой проводили друзей до волжского плёса, затеяли прощальную карусель.

К ночи на устье Лошадки майявы-бобры изготовились зимовать – добирали провиант. Работяги резали ветки тальника, молодняк, шагая вперевалку, тянул охапки к воде. На крутобережье, под ольховыми корчами, бобрехи убрали сухую листву, закрывали летнюю лёжку. Под утро из хатки поднялся старый Майя, сбросил с гребня плотины прибитую течением соломенную Кострому, нюхнул воздух и увёл семью под воду.

А с рассветом посыпал снежок. Таясь, осторожно припушил еловые руки, после осмелел, повалил густо. Ветер потянул. Стряхнув ленивую летнюю повадку, опробовал силу, погнал вдоль Лошадки холодную струю, враз стала Лошадка под ледовой одежкой. Покружил, наделал сугробов у еловых ног и сгинул за Волгу.

Тихо стало, чисто.

Лось-хозяин просунул добрую морду в заросли ольхи, засмотрелся на одетую в белое опушку. Красота...

«Урал» – это вам не хухры-мухры. Лёха-маленький примял рылом лесовоза ольховник и вырулил к крутизне над Лошадкой. Следом по колее пробрался мой «бобик».

Лёха заглушил уё.ще, вылез на подножку, усадил на плечо Тимофея и спрыгнул на снег. Следом из кабины выбрался бывший зека Широков, бригадир. Лёха огляделся, выставил большой палец:

– Во! Тут и успокоимся.

– Жалко красоту – загадим... – это я засомневался.

Широков начал нервничать:

– Мехалыч, я на што? Режим сделаю – строем ходить будут...

Лёха пододвинулся к откоосу:

– Самое место. По льду в Вороново бегать близко и бобры рядом. Всё будет путём. Забирай, Михалыч, Широкова, дуй за бригадой, я пока прикину – где чего...

Пока я «дул за бригадой», Лёха начал хозяйствовать: обмерил шагом площадку, запалил костёр из лапника, разложил «тормозок» на пеньке. Тимофей, гревший зад на капоте лесовоза, углядел ломти сала на обрезе буханки, спрыгнул, и, отряхивая на ходу лапы, пододвинулся к костру.

Лёха приподнял сидение «Урала», хоть и пребывал в одиночестве, огляделся для страховки, вынул чекушку, подсел к пеньку и приготовился устроить себе удовольствие. Только Лёха сорвал с горлышка колпачок, сама собой образовалась прорубь на Лошадке и вынырнула девка: волосы рыжие, ледком прихвачены и конопушки по всему лицу.

– Ё, – Лёха отставил посуду, – счас... счас трос притараню, вытану...

Однако конопатая повела себя странно, спастись не спешила и молвила игриво:

– Постой, Алёша, суету оставь, побеседуем.

Лёха затосковал:

– Опять? Мало мне франкиштейнов, теперь ты... я крещёный, отлезьте от меня...

– Алёша, не пугайся. Я своя, хозяйка тутошняя, – девка колыхнула полными грудями, – это моё чучелко летом молодайки в реке хоронят.

Тимофей пробрался к берегу, ступил на лёд и уселся у проруби.

– Видишь, и Тимоша меня признал. Не ершишь, богатырь, дело у меня к тебе спешное.

Лёха глаз от конопатой не отрывал, сглотнул слюну:

– Вода студёная, замёрзнешь...

– Да ну, привыкшая я. Слушай, я друга в гости жду, повидаться очень надо – вот мне твоя помощь и надобна.

– Что, съездить? – Лёха указал на «Урал».

– Да нет, тело мне своё одолжи.

Лёха потянулся к чекушке.

– Брось, мне трезвое тело нужно. Я тебя в бобрёнка переселю, поскучай чуток в хатке, будет тебе потом моя благодарность.

– Нету моего согласия на этот произвол, – Лёха аж затопал ногами. – Как это в бобрёнка, а это... а в это кого, куда?

– Я в тебя гостя поселю ненадолго, у него конструкция такая: не может он в нашем климате обитать.

– Вот я тебя щас, – Лёха заметался по берегу, – дрыном угощу, будет тебе конструкция...

– Не зли меня Алексей, худо будет. А ну стой на месте, глаза прижмурь...

Бытовку мы пристроили на полозья и тянули волоком, по рыхлому снегу сани цепляло. Широков наводил режим: заматеревший на северах тракторист восторженно вертел головой и круглил рот. На месте застали Тимофея. Кот висел на верхушке окраинной елки, пучил глаза. На уговоры не поддался.

Широков приметил на пеньке чекушку, немедленно употребил и отправился с бригадой на розыск. Лёху нашли к вечеру.

– Нездоров, – объявил Широков, – стоит на карачках, берёзку грызёт.

Объясниться Лёха не пожелал, пожаловался: у тальника кора горькая, у берёзы вкусней.

Лёха проспал двое суток, после сходил в Вороново, вернулся навеселе и рассказал чудную историю...

Весной, когда уходили с делянки, образовался слух: у Лёхи на хуторе поселилась конопатая барышня. Ждут прибавления.

3.ОТТЕПЕЛЬ

Не ко времени пришлось оттепель. Болото просело, кругляк повезли в объезд. Серьёзная выдалась неделя. Лёха-маленький ночевал в кабине, оголодал, запаршивел. В субботу одолел четыре ездки и запросился домой. Добрался затемно.

Кострома кормила Лёху-второго. Наследник оторвался от сиски, глянул:

– Вчера водку трескали с Широковым.

– Во, Кашпировский на мою голову, – Лёха уселся стягивать валенки, – мал пока родителю оказывать.

– Сородителю, прошу отметить, соучастнику зачатия. – Карапуз фыркнул, потянулся к мамкиной груди.

– Спиногрыз! Физически моим организмом сотворён. Моду взяли критику наводить... Тимофей где?

– С гостем дружится, – Кострома повела глазами в сторону печки.

Лёха встал на приступок, заглянул:

– Ё, корявый какой. Этот пострашней будет того, трёхногого... а кряхтит – не окочурился бы.

– Усталый он, Алёша, вот и кряхтит. Перевозчик это, за тобой прибыл. Собирайся в путь-дорогу.

– В какую такую дорогу? – Лёха рассердился, – мне с утра лес возить.

Лёха-второй икнул, облизнулся:

– Папаша, кончайте дебаты, у второго папки проблемы. Выручать надо.
Кострома уложила едока в кровать, подсела к столу:
– Алёша, друга нашего лиловые зацапали, кроме тебя спасать некому.
– Опять уроды эти, как достали-то?
– Так на блюде своём нырнули и отловили. Они сейчас в горах тибетских, отдыхают. Спешить надо – уйдут.
Лёха задумался:
– Один не потяну, Широкова надо звать, в помощь.
Кострома пододвинула по столу карандаш:
– Пиши.
После подошла к окошку, распахнула створку, свистнула разбойником. Ворон прилетел, уселся на плечо к хозяйке. Лёха закончил сочинять, протянул письмо. Зажал почтарь в клюве записку и ухнул в ночь.
С печки спустился корявый, придвинулся к столу, уставился диким глазом.
– Сдюжит? – Лёха перекрестился. – Двоих тянуть.
– Надо будет – и троих потянем, – корявый почесался везде и сразу, – хозяйка, водка есть?

Только я, добравшись до своей каморки, принял рюмку можжевельной и заварил чай, пришёл Широков:

– Мехалыч, от Лёхи малява, «бобика» давай.
– Стряслось чего?
– Во, читай.
Я развернул листок: «Широков дуй на хутор франкиштейны оборзели».
– Может, ребят соберём?
– Обижаешь, Мехалыч, разберусь.
Отдал я Широкову ключи от транспорта, принял на нервной почве ещё рюмочку и завалился спать. Снились мне лиловые. Под утро явился ворон с бумагой в клюве. Я потянулся к письму и проснулся. В дверь колотили.
Широков вернул мне ключи:
– Мехалыч, налей: устал.
Пока я ставил чайник, Широков выцедил стакан и взялся рассказывать:
– Как до хутора добрался, гляжу – Лёха с мужиком сидит, мужик страшный... как тюрьма. Водку пьянствуют. Кострома хозяйкой: грибочки накладывает, капусту из подпола тянет. Я в измену: коли пьянка, зачем шухер? Объяснили. Ну, собрались, Лёха пару листов от рессоры приготовил. Подхватил нас одноглазый, и дунули. Мехалыч, я три зоны прошёл, Салехард до звонка оттянул – такого страха не видал. Летим, дыхалку перехватывает, задубели, по низу чисто глобус – вся география на виду. Прилетели. Снег, как сахар: не нашенький снег, не хрустит и не мнётся. Блюде стоит, огнями поигрывает. Шнырь, на котором летели, крутанул хвостом – и привет, гумза¹ позорный. Дальше – в блюде надо проникать? Придумали: где нога упёрлась, которая всю железку держала, снег подрыли, стронулось блюде, перекоосилось. Лёха мне чекушку сунул, от лучей ихних. Ну, и открыли уроды дверцу, высочили, а после мы вошли...

Мехалыч, гороло не казённое, налей...

Зашли, значит. Посередке в пузыре Лёхин родственник сидит. Ох, Мехалыч, такое увидишь – бивнем² станешь. Главный, который с обручем, как Лёху признал, заскучал, ручкой кривой махнул и сдался. После летали, Лёха командовал. Родственника на глубину опускали, ныряли в океан. На хутор под утро добрались. В дороге базарили. Одного урода я чуток помял, нарезал по шнифтам³. Короче, когда уходили, я апельсин⁴ в корыте припрятал, так спокойнее будет. Ладно, на посошок, и всё, затележил⁵ я. Мехалыч, сегодня отосплюсь, с утра режим на делянке сделаю. Всё будет путём...

---

¹ Дрянь-человек.

² Свихнувшийся.

³ Глаза.

⁴ Ручная граната.

⁵ Захмелел.

4. БРИГАДА

К августу распустили заготовленный пиловочник. Роня янтарные слёзы, последние «карандаши» легли в объятия пилорамы. Спалили гору опилок, отгрузили доску и стали до осени. Раздал я трудягам получку, подождал с неделю, дабы протрезвели, добавил отпускные с премиальными и разогнал по домам. Лёха-маленький, выпросив на обустройство пару кубометров тёса, отбыл на хутор.

Три дня я отсыпался, после взялся за бухгалтерию. На Яблочный Спас явился Широков:
– Мехалыч, маляга от Лёхи, в гости зовёт. Спирт есть?

Пока я брился, Широков разлил в тару разведённый спирт. Завели «бобик», на Окружной прикупили гостинцев и тронулись в лес.

Лёха серьёзно похозяйничал с весны. Задружившие с чудным семейством бобры запрудили змеящийся рядом ручей – разлилось изрядное озерко. К южной стене старого дома пристроил Лёха веранду – лункерку по-зырянски. Разбил малинник, огород нешуточный. Вкруг высадил яблоньки и смородину.

Как подъехали, хозяин встречать вышел, следом олень в бусах, с лентами на рогах. Мы с Широковым рты раззявили – устались на животное.

– Свояк погостить прибыл, транспорт евойный, – Лёха указал на олешку, – сам из вымичей⁶.

Прошли по лесенке. Лёха-второй, устроившись в кровати, сражался с Тимофеем в шахматы. У стола заседал важный дядька: в не по погоде островерхой войлочной шапке и цветастых шерстяных чулках, на коленях держал разрисованный бубен.

– Омель⁷, – представил ряженого Лёха, – родственник. Свояк кивнул, стукнул костяным кулачком в инструмент.

– Присаживайтесь, гости дорогие, – Лёха придвинул скамью, – супруга на кухне колдует, закуску варганит.

Из дверей вывалился поросший рыжим волосом одноглазый, в корявых ладонях держал миску с варёной картошкой, приметив Широкова, загугукал радостно.

– Во, сироту пригрели, – Лёха перекрестился. – Живёт в бане, по дому помогает. Кота шахматам обучили. Не семья – фильм ужасов.

– Даниловскую пересылку ты не видал, вон где фильм ужасов, – Широков подсел к столу.

Лёха-второй сделал ход:

– М-да, адопция⁸ налицо. Тимофей, шах...

Кострома появилась, поздоровалась, погнала корявого таскать из кухни. Славный банкет образовался: икорка щучья, пироги, грибочки под сметанкой, огурчики с хрустом. Широков выставил бутылки.

– Видано дело? – Лёха разлил по маленькой. – Кострома живую тварь изводить не велит, так щучихи сами икру мечут, под засол присылают. Белки ягоды таскают, ежи грибами завалили. Ну, со свиданьем.

Потекла беседа. Свояк не участвовал, иногда бил в бубен. Лёха уложил рядом с тарелкой кусок бересты, занюхивал. Пожаловался:

– Привычка осталась, тянет на берёзку.

Тут я вспомнил:

– Слушай, Алексей, а что франкенштейны твои, отстали?

– Да какой там, – Лёха сморщился, – почитай, с оттепели шныряли кругом.

– Что ж ты базар не поднял? – Широков насупился.

– Не обижайся, бригадир, справились. Омель подсобил, для того и вызвали. Подстерегли у заруды, подкралась, свояк в бубен заиграл, повыл малость – и стреножили. Теперь в банке сидят. Блюдце я в болоте утопил.

– Лёха, побожись, – я опрокинул стопку на нервной почве.

– Чего божиться-то, сходи, Мехалыч, посмотри.

Сбегали мы с Широковым, заглянули в окошко: верно, сидят лиловые, один с обручем.

⁶ Субэтническая группа коми-зырянской народности.

⁷ Леший, лесовик. Мифология коми.

⁸ Адобция – включение отдельного лица или группы в состав родственного коллектива.

Притихло общество. Олень просунул морду под перила, стянул пирожок и отошёл довольный.

– Ну и что теперь? – Широков уставился на Лёху.

– Так не знаю, думаем.

– К слову, – Лёха-второй передвинул пешку. – Было бы у меня право голоса, устроил бы знатное действо... Тимофей, шах и мат. Так вот, – спиногрыз повернул к нам озорную мордашку, – у Банника⁹ нашего – кивнул на корявого – побратим проживает на Новой Гвинее. Вождь племени ирианского. Очень колоритный господин, и гурман, прошу отметить: любит печёную печень, простите за тавтологию, языки вареные, да и другими анатомическими фрагментами не брезгует, но соплеменники ему обрыдли, последний миссионер попался, почитай, год назад – вот и скучает по свежатине. Предложил я корявого командировать, вождя доставить на нашу скромную усадьбу в качестве почётного гостя, а по гостю и угощение. Поселить в баньке на пару дней. Увы, папаша сопротивляется.

– Не по-людски это, – Лёха помотал головой.

– А чем кормишь? – заинтересовался вдруг Широков.

– Да по картофелине каждому, на трое суток хватает. После камлания смиренные стали, скучные.

Широков задумался ненадолго, глянул на меня:

– Мехалыч, давай их ко мне в бригаду.

– Ты что, рехнулся?

– Мехалыч, брось. Ксив у них нету, в розыске не состоят, блюдце Лёха изничтожил – в побег не уйдут. Зарплату мимо и харч по мизеру... потом, жалко уродов, не кончать же, а у нас какой-никакой коллектив, приютим...

Вот к осени лиловые и прижились на лесопилке. Поначалу дичились, потом втянулись (Широков кого хочешь втянет). Главный, который с обручем, на погрузчик сел, быстро освоил. Остальные двое на раму посменно, операторами. Одна беда: через месяц забастовку устроили – потребовали оплату по наряду и к водке потянулись. А так – вкалывают не хуже других...

---

⁹ В восточнославянской мифологии дух бани.